

О ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКѢ. ¹⁾

(Мысли по поводу книги князя фонъ Бюлова).

Всего за нѣсколько дней до объявленія войны, г. Морисъ-Гербеттъ далъ намъ переводъ книги князя фонъ Бюлова, озаглавленной: «Нѣмецкая политика», съ предисловіемъ г. де Сельва. Г-нъ де Сельвъ, хотя и былъ недолгое время министромъ иностранныхъ дѣлъ, но вполне достаточно, чтобы узнать общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и быть въ состояніи высказывать о нихъ вѣрное сужденіе. Онъ хорошо видитъ и показываетъ намъ противорѣчіе, существующее между затаенными мыслями князя фонъ Бюлова и его книгой.

Рѣдко, гдѣ желанія и честолюбивые замыслы Германіи указаны и изложены такъ ясно, какъ въ этой книгѣ. Германія выставлена въ ней, какъ страна новая, которая находится только въ самомъ началѣ своего развитія и едва только переступила первый періодъ

¹⁾ Revue des deux mondes кн. отъ 1-го октября 1914 г. н. с.

его. «Политическое единство, говоритъ г. фонъ Бюловъ, не было заключеніемъ нашей исторіи: оно только было началомъ новаго будущаго. Занявъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ державъ, Германія вновь приняла крупное участіе въ жизни Европы. Впрочемъ старая Европа уже давно стала только участницей мировой жизни народовъ». Г. фонъ Бюловъ окидываетъ германскій горизонтъ такимъ взглядомъ, который сразу безмѣрно расширяетъ его. Мы очень далеки отъ того утвержденія, которое любилъ повторять Бисмаркъ, что Германія—нація сытая, пресыщенная. Достигнувъ цѣли своихъ долгихъ политическихъ усилій, она сдѣлалась націей, наиболѣе консервативной. Уваженіе кн. фонъ Бюлова къ Бисмарку не мѣшаетъ ему однако безъ всякихъ колебаній отмѣтить, насколько онъ считаетъ подобную точку зрѣнія ограниченной. Когда то такой взглядъ и былъ хорошъ, но теперь онъ не удовлетворяетъ: Германія не можетъ больше довольствоваться тѣмъ, что г. фонъ Бюловъ презрительно называетъ: «созерцательное существованіе континентальнаго государства». Ей надо предпринять и осуществить еще многое: ей надо достигъ на морѣ того, чего она достигла на сушѣ и сдѣлаться величайшей въ мірѣ морской и торговой державой, также, какъ она уже стала величайшей политической и военной державой въ Европѣ. Только тогда Германія достигнетъ того, что ей предназначено свыше. Таково воззрѣніе князя фонъ Бюлова и насъ удивляетъ не оно, но то заключеніе, которое онъ изъ него выводитъ, потому что оно совершенно согласно съ мнѣніемъ Бисмарка, а именно: что Германія, самая консервативная страна въ мірѣ,—самая миролюбивая, не угрожающая никому въ свѣтѣ. Этого мы не ожидали, и факты не замедлили дать г. фонъ Бюлову кровавое опроверженіе. Онъ впрочемъ и самъ былъ не достаточно увѣренъ въ своемъ тезисѣ, чтобъ не оградиться, противъ возможныхъ сюрпризовъ. Вся философія его книги заключается въ слѣдующей фразѣ, которую мы приводимъ, и которая поразила также и г. де Сельва: «Событіе, которое должно входить во всѣ политическіе расчеты—это война. Ни одинъ человекъ, одаренный здравымъ смысломъ не желаетъ ея. Каждое добросовѣстное правительство старается изо всѣхъ силъ воспрепятствовать ея возникновенію, пока честь и жизненные интересы націи того позволяютъ. Но каждое государство должно быть такъ направляемо по всѣмъ отраслямъ, какъ будто ему завтра предстоитъ война». Все это правда; это теперь даже слишкомъ очевидно, даже по отношенію наиболѣе искренно миролюбивыхъ націй и правительствъ, тѣмъ бо-

лѣе тѣхъ, кого политика захвата фатально толкаетъ на поле битвы. Германія не нуждалась въ томъ, чтобы ей объ этомъ напомнили.

Книга г. фонъ Бюлова очень цѣнный документъ, и никто этому не удивится. Дипломатъ по профессіи, ученикъ Бисмарка и, по всей вѣроятности лучшій, образованный, но опыту хорошо знающій людей и свое дѣло, обладающій даромъ слова, человѣкъ, бывшій долгое время довѣреннымъ лицомъ императора Вильгельма, онъ лѣтъ двѣнадцать состоялъ канцлеромъ Имперіи и управлялъ какъ внутреннею, такъ и внѣшнею политикой съ необычайною ловкостью и энергіей. Извѣстно, какъ онъ потерялъ довѣріе и милость своего повелителя. Въ одинъ прекрасный день, Германія нашла, что императоръ говоритъ слишкомъ много и г. фонъ Бюловъ не скрылъ, что и онъ раздѣляетъ это мнѣніе. Императоръ нисколько не былъ ему благодаренъ за его честную откровенность и, при первомъ удобномъ случаѣ, который не заставилъ себя ждать, далъ ему пасть подъ голосованіемъ Рейхстага. Съ тѣхъ поръ князь фонъ Бюловъ проводитъ большую часть своего времени въ Римѣ. Изъ дѣйствующаго лица, онъ сталъ простымъ наблюдателемъ, но онъ не пересталъ дѣятельно слѣдить за тѣмъ, что творится въ Германіи и во всемъ мірѣ и, такъ какъ онъ самъ теперь стоялъ не у дѣлъ, то охотно высказалъ свое мнѣніе объ нихъ. Впрочемъ, книга его носитъ характеръ ретроспективный. Г. фонъ Бюловъ говоритъ о политикѣ Германіи за то время, когда онъ самъ былъ канцлеромъ; но направленіе политики не перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ имперское канцлерство и, рано или поздно, политика, которая мѣтила на міровую гегемонію и систематически дѣйствовала съ самымъ черствымъ и неумолимымъ эгоизмомъ, нисколько не заботясь объ интересахъ другихъ, равнымъ образомъ и объ ихъ достоинствахъ, должна была привести къ всеобщей войнѣ. Заблужденіе нѣмецкой политики состояло въ томъ, что она думала, что никто не осмѣлится вступить съ нею въ борьбу.

Книга раздѣляется на двѣ части. Мы въ этотъ разъ будемъ говорить только о первой, которая разбираетъ политику внѣшнюю. Въ чемъ состоитъ ея главная забота? Хотя г. фонъ Бюловъ и перебираетъ всѣ націи Европы, и говоритъ даже объ Америкѣ и Японіи, но главнымъ образомъ онъ имѣетъ въ виду Англію; онъ чаще всего возвращается къ ней съ безпокойствомъ, какъ будто чувствуетъ, что опасность для новыхъ честолюбивыхъ замысловъ его родины заключается именно въ ней. Конечно онъ удѣляетъ часть своего вниманія и Франціи и Россіи, но ихъ намѣренія не такъ безпокоятъ

его. Чтобы хорошенько понять это, надо вернуться вмѣстѣ съ нимъ къ нашему общему прошлому.

Г. фонъ Бюловъ не скрываетъ того, что выступленіе Германіи въ 1864, 1866 и 1870 годахъ, съ ея быстрыми и рѣшительными успѣхами, создало ея величіе и что могущественныя, старыя европейскія державы, потревоженныя въ своемъ спокойствіи, почувствовали въ Германіи новую соперницу и неблагоприятно отнеслись къ ней. Ея появленіе на свѣтъ не улыбалось никому. Дѣйствительно, сначала Пруссія, а потомъ и Германія пошли впередъ гигантскими шагами, не заботясь о томъ, кого онѣ давили на своемъ пути. Надо было считаться съ нею, потѣсниться, чтобы дать ей мѣсто, чему всѣ покорились неособенно охотно. Все осложнялось съ рожденіемъ Германіи, которая нарушала установившееся равновѣсіе, выдвигала безпрестанно новыя требованія, высказывала свой тяжелый характеръ и вносила во всѣ дѣла личную точку зрѣнія, которую и навязывала всѣмъ. Этому покорялись, такъ какъ интересы не были слишкомъ многочисленны и достаточно важны, чтобы вызвать протестъ, но нѣмецкія домогательства уже начинали находить несносными. Г. фонъ Бюловъ, по этому поводу приводитъ выходку одного изъ своихъ коллегъ: «Приблизительно въ 1895 г., пишетъ онъ, въ Римѣ, гдѣ я тогда былъ посланникомъ, мой англійскій коллега, сэръ Клеръ Фордъ, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «Насколько однако политическія соглашенія были удобнѣе и менѣе осложнены, когда Англія, Франція и Россія составляли европейскій ареопагъ, и когда привлекалъ туда Австрію приходилось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ!» Это доброе, старое время прошло, гордо добавляетъ г. фонъ Бюловъ. Европейскій концертъ, уже болѣе сорока лѣтъ какъ увеличился новымъ членомъ, который имѣетъ право голоса и который не только намѣренъ громко заявлять о своихъ желаніяхъ, но и располагаетъ силами для соотвѣтствующаго воздѣйствія». Вотъ его тонъ, онъ не мѣняется, онъ всегда одинъ и тотъ же, отъ первой страницы, до послѣдней. На подобіе людей, слишкомъ быстро преуспѣвшихъ, Германія испытываетъ горделивое удовольствіе, мѣшая другимъ; она въ этомъ видитъ доказательство своего значенія, которымъ наслаждается вполне только тогда, когда она даетъ его тяжело чувствовать другимъ. Она охотно создаетъ тяжелое положеніе: это въ ея характерѣ. Если же кто нибудь этимъ недоволенъ, ей это все равно, такъ какъ она «располагаетъ силами для соотвѣтствующаго воздѣйствія». Эти новые приемы никому не нравятся и всѣхъ возмущаютъ: однако съ ними мирятся, пока они только не нравятся и

возмущаютъ, не задѣвая важныхъ интересовъ. Многимъ жертвуютъ для мира все міра.

Германія этимъ пользуется, чтобы расти, увеличиваться, захватывать. Она дѣлается промышленной и торговой: ея способности даютъ ей возможность производить много и навязывать эти произведенія другимъ. Для этого хороши всѣ средства. Это первая стадія ея посвященія въ міровую дѣятельность, на которую она спѣшитъ всецѣло накинуться. «По мѣрѣ того, говоритъ г. фонъ Бюловъ, какъ наша національная жизнь превращалась въ жизнь міровую, политика Германской имперіи, въ такой же мѣрѣ, дѣлалась политикой міровой». Кромѣ того, вся Европа была увлечена по новымъ нутямъ. Германія должна была тянуться за нею, опередить ее, занять ея мѣсто. Императоръ Вилгельмъ понялъ это ясно, быстро, глубоко, и г. фонъ Бюловъ прославляетъ его за это уже отъ имени исторіи. Развѣ не онъ первый провозгласилъ, что будущее Германіи на морѣ? Онъ не только это сказалъ, но и открылъ для Германіи пути и далъ ей флотъ, чтобы побѣдно бороздить ихъ.

Но то, что было—можетъ повториться—то, что является будущимъ для Германіи, для Англіи является настоящимъ, трудолюбиво достигнутымъ и прочно установившимся. Какимъ же образомъ Англія могла бы примириться съ честолюбивыми замыслами Германіи, въ которыхъ она сама признается. Г. фонъ Бюловъ относительно этого не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій; онъ предчувствуетъ, что она съ этимъ не примирится, такъ какъ ни одна держава не отказывается безъ сопротивленія отъ того, что считаетъ своимъ достоинствомъ. Германія значить предвидѣла такое сопротивленіе, но этого не испугалась: она рѣшительно намѣтила себѣ побить Англію ея же собственнымъ оружіемъ. Чтобы овладѣть ея тайной, г. фонъ Бюловъ задаетъ себѣ вопросъ, почему Англія сдѣлалась владычицей морей? Это потому, говоритъ онъ, что такъ какъ ея островное положеніе позволяетъ ей не бояться за свои границы, она могла, не имѣя этой заботы, сосредоточить всѣ свои силы на развитіе морского могущества. Германія мало гдѣ пользуется этимъ преимуществомъ, такъ какъ почти всѣ ея границы доступны; но, если ей удастся сдѣлать ихъ недоступными, благодаря арміи, которая будетъ казаться непобѣдимой и будетъ сѣять вокругъ себя ужасъ передъ ея силою, то не достигнетъ ли она того же результата, какъ и Англія? То, что природа даромъ дала Англіи, не достигнетъ ли того же Германія болѣе заслуженно собственными

своими силами инымъ путемъ, но съ тѣмъ же результатомъ? Эта первая цѣль, по мнѣнію г. фонъ Бюлова, уже достигнута: Германія на сушѣ стала непобѣдимой и неуязвимой. Съ этого момента она можетъ обратить свои мысли въ сторону моря.

Ея политикѣ долгое время пришлось быть одновременно и отважной, и осторожной: отважной, такъ какъ этого требовало ея самолюбіе, осторожной, такъ какъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи еще нѣсколькихъ лѣтъ, Англія, оставаясь болѣе сильной, могла замѣтить, угрожающую ей опасность и разсѣять ее, неожиданно нанеся первый ударъ. «Въ теченіи десяти лѣтъ, говоритъ г. фонъ-Бюловъ, послѣдовавшихъ послѣ морского законопроекта и начала нашего судостроительства, рѣшительная англійская политика, безъ сомнѣнія, была бы въ состояніи сразу остановить развитіе морского могущества Германіи, и сдѣлать насъ безопасными, прежде чѣмъ мы укрѣпились бы на морѣ». Слѣдовало значить усыпить опасенія Англіи и все же продолжать дѣлать то, что ихъ оправдывало. Трудная задача! Г. фонъ-Бюловъ не преуменьшаетъ ея трудностей, и ничего не можетъ быть интереснѣе тѣхъ страницъ, гдѣ онъ ихъ приводитъ и разсматриваетъ: но онъ увѣренъ въ томъ, что ихъ разрѣшилъ. «Ради нашихъ интересовъ, пишетъ онъ, также какъ и для нашей чести и нашего достоинства, намъ надо было отвоевать нашей міровой политикѣ такую же независимость, какъ мы упрочили ей въ Европѣ. Исполненіе этого національнаго долга могло быть затруднено возможнымъ сопротивленіемъ Англіи, но никакое сопротивленіе въ мірѣ не могло освободить насъ отъ этого обязательства». Итакъ, Германія пошла впередъ. Англія, которая не любитъ воевать и воюетъ только въ крайнемъ случаѣ, удовольствовалась тѣмъ, что усиливала свое собственное вооруженіе. Неоднократно она пыталась войти съ Германіей въ соглашеніе относительно ограниченія, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Германія не обратила на это вниманія и не пожелала ничего слушать. Казалось она дѣйствовала подъ вліяніемъ какой-то высшей воли. Въ ея судьбу вмѣшивался рокъ. «Такъ было нужно!» говоритъ г. фонъ-Бюловъ. Англія, какъ это часто съ нею случается, пропустила не одинъ удобный случай: любовь къ миру у нея всегда одерживала верхъ. Насталъ, наконецъ, моментъ, когда Германія сочла, что ея задача выполнена, или по крайней мѣрѣ настолько созрѣла, что она можетъ сбросить маску. Приводя съ чувствомъ удовлетворенія тонко взвѣшенные ходы ловкой политики, которая позволила ей, не дружа съ Англіей, что повело бы къ зависимости отъ нея,

но не выказывая ей и враждебности, что повело бы съ перваго же момента къ парализованію ея усилій» — такимъ то образомъ, говоритъ г. фонъ-Бюловъ, мы успѣли, не подпадая подъ вліяніе Англіи и безъ задержекъ съ ея стороны, создать то морское могущество, которое является основой нашихъ экономическихъ интересовъ и нашихъ проектовъ міровой политики такого могущества, что вступить съ нимъ въ борьбу было бы большимъ безразсудствомъ даже со стороны самаго сильнаго противника».

«Когти» отрасли достаточно.

Такъ ли это вѣрно? Мы недавно убѣдились, что Англія обладаетъ тою смѣлостью, которая казалась невозможной г. фонъ-Бюлову. Не слишкомъ ли рано и не слишкомъ ли громко испустилъ онъ свой побѣдный кликъ? Гдѣ германскій флотъ въ настоящую минуту? Онъ прячется въ своихъ портахъ, рѣкахъ и каналахъ; онъ осторожно прикрывается торпедами и плавучими минами; слѣдовательно онъ признаетъ все еще существующее превосходство британскаго флота. Не думалъ ли г. фонъ-Бюловъ, что Англія при удобномъ случаѣ не воспользуется этимъ превосходствомъ? Онъ однако не ошибся въ опредѣленіи интересовъ Англіи въ вопросѣ, который для нея является жизненнымъ и не ошибся въ томъ, что есть рѣшительнаго, непоколебимаго и неизблемаго въ ея политикѣ. Страницы, написанныя по этому поводу, однѣ изъ лучшихъ въ его книгѣ: намъ хотѣлось бы привести ихъ цѣликомъ, но къ сожалѣнію, вынуждены изложить ихъ вкратцѣ.

«Въ мірѣ нѣтъ державы, говоритъ онъ, политика которой развивалась бы такъ неуклонно, какъ англійская, идущая по своимъ традиціоннымъ путямъ. Она обязана своими грандіозными успѣхами на міровомъ поприщѣ тому вѣковому постоянству своей внѣшней политики, которая оставалась неизмѣнной, независимо отъ партіи, находившейся у власти. Альфой и омегой англійской политики было постоянное стремленіе къ владычеству надъ морями и къ удержанію его въ своихъ рукахъ.

Интересъ, который принимаетъ Англія въ группировкѣ силъ на европейскомъ материкѣ, обращенъ не только на выгоду и благосостояніе державъ, чувствующихъ себя подъ гнетомъ или угрозой могущественнаго превосходства одного изъ нихъ. Подобная безкорыстная и гуманная симпатія рѣдко оказываетъ доминирующее вліяніе на политическія рѣшенія правительства большой державы. Путеводнымъ для направленія англійской политики по распредѣленію силъ въ Европѣ является отраженіе этого положенія

на владычество Англии надъ морями. Любое перемѣщеніе центра тяжести, не оказывающее вліянія въ этомъ отношеніи англійскому правительству всегда было въ достаточной мѣрѣ безразлично. Если Англія, традиціонно, т. е. соотвѣтственно своимъ незыблемымъ національнымъ интересамъ, высказываетъ свою враждебность или по меньшей мѣрѣ, недовѣріе къ европейской націи, которая въ данную минуту оказывается наиболѣе сильной, то причиной этому, прежде всего, является значеніе, которое она придаетъ этому превосходству сухопутныхъ силъ, въ смыслѣ вліянія этого фактора на морскую политику». Въ этомъ сужденіи много правды. Пока Германія напрягала свои силы только для достиженія первенства на континентѣ, Англія оставалась безучастной и не предпринимала никакихъ дѣйствій. Но, съ того момента, какъ Германія воспользовалась своимъ перевѣсомъ на континентѣ, чтобы сдѣлать изъ него точку опоры для своей морской политики, отношеніе къ ней Англии измѣнилось.

Никто, какъ уже выше указано, не пролилъ столько свѣта на тѣсную связь морской политики Германіи съ ея континентальной политикой, какъ г. фонъ-Бюловъ. Эту континентальную политику нельзя разсматривать какъ фактъ не вліяющій на морскую политику, она является необходимымъ для нея условіемъ. Г. фонъ-Бюловъ договаривается даже до того, и при этомъ правъ, что неудача міровой политики Германіи могла бы и не повліять существенно на ея положеніе на континентѣ, но что обратное заключеніе было бы невѣрно, такъ какъ пораженіе, или уменьшеніе престижа Германіи на континентѣ, однимъ ударомъ опрокинуло бы созданную ею міровую политику. Это взглядъ весьма вѣрный: факты недавняго прошлаго его подтвердили. Сейчасъ же послѣ объявленія войны и даже прежде, чѣмъ событія обрисовались достаточно опредѣленно, германскія колоніи оказались въ опасности. Англія захватила Того, а Японія осадила Кіао-Чао. А между тѣмъ, Германія всегда щадила Японію, она всегда была полна къ ней предупредительности. «У насъ нѣтъ никакого интереса, говорить г. фонъ-Бюловъ, дѣлать враждебнымъ по отношенію къ намъ этотъ храбрый народъ, обладающій выдающимися качествами и создать изъ него себѣ противника». Этотъ храбрый народъ, тѣмъ не менѣе, сталъ врагомъ Германіи и собирается отобрать у нея ея Дальневосточную колонію. Что этотъ ударъ чувствителенъ для Германіи видно изъ того, какое значеніе, по словамъ г. фонъ-Бюлова, она придавала этой колоніи. «Въ то же время, говоритъ

онъ, когда началось созиданіе нашего флота, мы осенью 1897 года обосновались въ Кіао-Чао. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ заключенъ съ Китаемъ договоръ въ Шантунгѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ актовъ въ современной исторіи Германіи, актъ, обезпечивающій намъ мѣсто подъ солнцемъ Дальняго Востока, на берегахъ Тихаго океана, которому предстоитъ великое будущее». Это были чудные сны! Что же вскорѣ останется отъ нихъ? Г. фонъ-Бюловъ, какъ можно было убѣдиться, былъ правъ, что Германія можетъ поддержать свое морское и колоніальное могущество только въ томъ случаѣ, если могущество ея на континентѣ является безспорнымъ.

Но если это такъ хорошо зналъ онъ, то понимала это и Англія: слѣдовательно, можно было предвидѣть, что, когда для Англіи представится случай нанести ударъ континентальному могуществу Германіи, то она не приминетъ этимъ воспользоваться, будучи увѣрена въ томъ, что этимъ самымъ разрушитъ одновременно и ея міровое могущество, которое начинало серьезно смущать ее. И если теперешнее правительство Германіи этого не предвидѣло, то это не по винѣ г. фонъ-Бюлова, который изъ своего убѣжища давалъ ему историческіе уроки. «Превосходство континентальнаго могущества, пишетъ онъ, всегда открывало широко пути къ политикѣ міровой. Но на этихъ путяхъ на стражѣ стояла Англія. Когда Людовикъ XIV подалъ Карлу II мысль объ англо-французскомъ союзѣ, то Карлъ II, несмотря на свои личныя симпатіи къ Франціи, отвѣтилъ ему, что установленіе искренняго союза встрѣтитъ препятствія, главнымъ изъ которыхъ является стремленіе Франціи стать серьезной морской державой... Англія сдѣлалась врагомъ Франціи въ войнѣ за испанское наслѣдство, преимущественно опасаясь развитія ея морского могущества; это нанесло первый ударъ первенствующему значенію Франціи въ Европѣ и дало англичанамъ вмѣстѣ съ Гибралтаромъ ключъ къ океану и лучшія провинціи Канады».

Г. фонъ-Бюловъ подтверждаетъ свои заключенія такой массой доказательствъ, что остается только удивляться, какъ въ Берлинѣ имъ было придано такъ мало значенія. «Событія 1866 и 1870 гг., пишетъ онъ далѣе, сдѣлали изъ Пруссіи и Германіи державу наиболѣе сильную на континентѣ, которая мало-по-малу въ сознаніи англичанъ заняла мѣсто, принадлежавшее ранѣе Франціи короля Солнца и двухъ Бонапартовъ». Въ виду этого, слѣдовало ожидать, что при возможности всеобщей войны, Германія будетъ недовѣр-

чиво относиться къ положенію, которое займетъ Англія и что она не предприметъ столь опасной войны, не обезпечивъ себя предварительно гарантіями съ этой стороны. И все же она ничего подобнаго не сдѣлала.

Откуда у нея явилось такое довѣріе? Этого объяснить мы не беремся. Г. фонъ-Бюловъ, конечно, приводитъ для этого нѣсколько мотивовъ, но, право, они не имѣютъ особаго значенія. Они сводятся къ тому, что разъ Германія стала черезчуръ могущественной, чтобы быть атакованной на морѣ, то Англія почувствуетъ, что ей ничего иного не остается, какъ поддерживать съ ней дружбу. Эту выдержку стоитъ однако привести: «Политическое небо никогда не бываетъ безоблачнымъ, но только немногія изъ тучъ, раздражаются грозой, остальные безслѣдно разсѣиваются. Управление нашими (нѣмецкими) сношеніями съ Англіей требуетъ особо твердой и настойчивой руки. Мы желаемъ отношеній хорошихъ, даже дружественныхъ, не пугаясь однако отсутствія особой предупредительности. Вотъ чего Германія должна держаться по отношенію къ Англіи, какъ правительство Германіи, такъ и ея народъ. Низкопоклонная политика была бы столь же ошибочна, какъ и политика слишкомъ прямая и рѣзкая. Англійскій народъ, наиболѣе политически сплоченный, не дастъ себя отвратить, хотя бы и самыми горячими, дружескими демонстраціями отъ рѣшеній, которыя онъ счелъ для себя выгодными, и увидѣлъ бы только признаніе нашей слабости въ дружескихъ проявленіяхъ, не обоснованныхъ на очевидной для насъ пользѣ. Съ другой стороны, такой мужественный и гордый народъ, какъ англичане, также какъ и германцы, не дастъ себя запугать прямыми, или скрытыми угрозами. Опираясь, въ настоящее время, на внушительный флотъ, мы, по отношенію къ Англіи, занимаемъ теперь другое положеніе, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда намъ, насколько возможно, надо было избѣгать конфликта съ этой державой до тѣхъ поръ, пока мы не создали себѣ флота. Въ ту эпоху наша внѣшняя политика находилась, до известной степени, въ зависимости отъ нашего морского вооруженія: ей приходилось дѣйствовать въ положеніи аномальномъ. Теперь нормальное положеніе восстановлено: вооруженіе зависитъ отъ политики. Дружба или враждебность германской имперіи, поддержанная могущественнымъ флотомъ, теперь, само собою разумѣется, имѣетъ для Англіи совершенно другое значеніе чѣмъ дружба, или враждебность Германіи, лишенной возможности дѣйствій на морѣ, какъ это было въ концѣ XIX столѣтія. Уменьшеніе разницы въ

морскихъ силахъ англичанъ и германцевъ предоставляетъ весьма существенныя выгоды нашей внѣшней политикѣ по отношенію къ Англіи».

Въ этихъ словахъ уже слышится запугиваніе. Однако Германія предпочла бы внушать довѣріе, а не боязнь и надо видѣть, какъ г. фонъ-Бюловъ старается успокоить опасенія, которыя могутъ быть вызваны могуществомъ Германіи, восхваляя ея умѣренность. Изъ всѣхъ народовъ міра, говоритъ онъ, нѣмцы отличаются наименѣ завоевательными стремленіями. И здѣсь намъ приходится привести точную выдержку, такъ какъ мы рискуемъ, что намъ не повѣрятъ, если мы не приведемъ его подлинныхъ словъ: «Безъ преувеличенія и хвастовства, такъ пишетъ г. фонъ-Бюловъ, можно утверждать, что еще никогда въ исторіи такое превосходство военнаго могущества, какъ германское, не служило, въ той же мѣрѣ, дѣлу мира. Этотъ фактъ не можетъ быть объясненъ только нашимъ безспорнымъ миролюбіемъ. Нѣмецъ всегда отличался миролюбіемъ и все же онъ бывалъ безпрестанно вынужденъ братья за оружіе, такъ какъ ему приходилось защищаться отъ иноземнаго нападенія. На самомъ дѣлѣ, миръ поддерживался преимущественно не потому, что нѣмцы воздерживались отъ нападеній на другіе народы, но потому, что другіе народы боялись отвѣтнаго удара нѣмцевъ на нападеніе съ ихъ стороны. Наши могущественныя вооруженія были гарантіей такого прочнаго мира, какого не знали послѣднія столѣтія, бывшія во власти «непрерывныхъ столкновеній. Отсюда историческій выводъ...»

Но мы воздержимся отъ приведенія историческаго вывода г. фонъ-Бюлова. Онъ высказался слишкомъ поспѣшно; исторія идетъ своимъ чередомъ и продолжаетъ развиваться; можно было видѣть, что значить миролюбіе Германіи, когда она въ 24-хъ часовой промежутокъ объявила войну Россіи и Франціи, вовлекла въ нее и всю Европу. Исторія еще не высказала своего приговора, но уже готовитъ его.

Возвращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ дружъ упомянутыхъ державъ, трудно понять, прочитавъ книгу г. фонъ Бюлова, какъ могла сохранить Германія иллюзіи насчетъ кажущейся инертности Англіи. Г. фонъ Бюловъ привелъ съ удивительнымъ пониманіемъ тѣ мотивы, по которымъ Англія должна воспрепятствовать честолюбивымъ замысламъ нѣмцевъ на морѣ, наносящимъ ударъ на сушѣ и, тѣмъ не менѣе, ни онъ, ни его преемникъ г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ, повидимому не вѣрили тому, чтобъ Англія, вѣр-

ная своимъ традиціямъ, стала разсуждать и дѣйствовать теперь такъ, какъ она дѣйствовала во времена Людовика XIV и Наполеона. Разговоръ, который имѣлъ мѣсто между теперешнимъ канцлеромъ Германіи и англійскимъ посланникомъ г. Гошеномъ въ моментъ объявленія войны въ этомъ отношеніи, очень интересенъ. Удивленіе г. фонъ Бетманъ-Гольвега было безгранично, когда Англія порвала отношенія. Этотъ человѣкъ, до тѣхъ поръ выказывавшій здравый смыслъ и хладнокровіе, буквально потерялъ голову и въ своей невоздержанной рѣчи наговорилъ такихъ вещей, о которыхъ долженъ былъ пожалѣть впоследствии, такъ какъ они распространились по всему міру, не сдѣлавъ чести ни ему самому, ни его родинѣ.—Какъ! воскликнулъ онъ, Англія поднимется противъ Германіи, родственной ей страны, страны, которая могла рассчитывать на ея симпатіи, страны, съ которой она никогда не имѣла крупныхъ разногласицъ!

Человѣкъ борется съ двумя напавшими на него противниками, которые хотятъ его убить—является третій и вонзаетъ ему кинжалъ въ спину!—Человѣкъ, на котораго измѣннически напали—это Германія; ея убійца—Англія. Г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ не можетъ отъ этого придти въ себя. Въ его удивленіи и гнѣвѣ, онъ просто наивенъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ не успѣлъ еще прочесть книги г. фонъ Бюлова! Если-бъ онъ это сдѣлалъ, гнѣвъ бы его остался такимъ же, но удивленія бы не было.

Но что насъ удивляетъ, такъ это то, что самъ г. фонъ Бюловъ, несмотря на свою книгу, какъ будто не больше г. фонъ Бетманъ-Гольвега ожидалъ того, что случилось: объ его удивленіи можно судить по той манерѣ, съ которой онъ рассказываетъ о попыткѣ короля Эдуарда VII образовать блокъ противъ Германіи, какъ говоритъ онъ, и о послѣдовавшей развязкѣ. Г. фонъ Бюловъ очень свѣтскій человѣкъ и дипломатъ; поэтому онъ говоритъ объ Эдуардѣ VII въ очень приличныхъ выраженіяхъ, но ясно указываетъ на него, какъ на врага Германіи, который поставилъ себѣ цѣлью образовать противъ нея континентальную коалицію. Онъ говоритъ о вѣроломныхъ интригахъ англійскаго правительства, по наущенію своего короля, которое хотѣло изолировать Германію и обратить противъ нея Францію, Россію, Испанію, а также вѣроятно и небольшія сѣверныя государства. Мы не поручимся за то, что король Эдуардъ VII дѣйствительно имѣлъ всѣ тѣ намѣренія, которыя ему приписываетъ г. фонъ Бюловъ, но если они у него и были, то Германія удивительно хорошо помогла ихъ осу-

пеществленію. Ея политика булавочныхъ уколовъ, или вѣрнѣе, пинковъ ногами всѣмъ безъ разбора, съ этого момента, начала возстановливать противъ нея весь міръ, такъ что на конференцію въ Альджезирасѣ, Германія оказалась покинутой почти всѣми, даже ея союзниками. Г. фонъ Бюловъ это подтверждаетъ: онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ Австріей и Италіей—Германіи, за которыя она имъ благодарна, но образцомъ дипломатіи съ ихъ стороны, повидимому, является то, что и Франція со своей стороны тоже была удовлетворена ихъ выступленіемъ и сохранила это въ доброй памяти. Въ дѣйствительности, Германія, прямымъ обращеніемъ къ намъ, достигла бы болѣе того, что дали ей, когда въ Альджезирасѣ намъ представилась возможность опереться на большинство, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ и на общее единодушіе державъ, имѣвшихъ тамъ своихъ представителей.

Претензіи Германіи начали уже беспокоить и раздражать. Если противъ нея и образовался блокъ, то она обязана этимъ еще больше самой себѣ, чѣмъ королю Эдуарду VII. Кромѣ того терминъ «образовать блокъ» въ данномъ случаѣ слишкомъ силенъ и никто тогда еще не думалъ примѣнять противъ Германіи политику имъ указываемую. Что вѣрно, такъ это то, что въ Альджезирасѣ Германія въ первый разъ почувствовала вокругъ себя сопротивленіе, котораго она не предвидѣла и которое было для нея очень чувствительно. Она привыкла думать, что страхъ, который она вызываетъ, долженъ дѣйствовать, какъ въ древности: *Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*. Ея воли должно было быть достаточно, чтобы преклонить всѣ остальные. Но тогда это было уже не совсѣмъ такъ. Она злоупотребила своею силою и миръ возмутился.

Г. фонъ Бюловъ пишетъ въ своей книгѣ, что первенство Германіи происходитъ отъ двухъ причинъ, изъ которыхъ одною является ея неоспоримая сила, а другою, проистекающею отсюда престижъ, или другими словами—этими причинами являются—ея армія и блѣффъ. Престижъ принадлежитъ этимъ факторамъ, дѣйствительность которыхъ провозгласилъ Бисмаркъ. Не началъ ли уменьшаться престижъ Германіи? Какъ бы тамъ ни было, но у г. фонъ Бюлова, явилось въ этомъ отношеніи предчувствіе. Онъ управлялъ тогда германскою политикою.

Это онъ началъ Марокское дѣло. Онъ всегда приписывалъ себѣ отвѣтственность за поѣздку императора Вильгельма въ Танжеръ и продолжаетъ утверждать это и теперь, несмотря на по-

слѣдовавшія затѣмъ событія. Онъ думалъ совершить мастерской ходъ, а послѣдствіемъ этого, въ концѣ концовъ, явилось образованіе блока противъ Германіи и уменьшеніе ея престижа. Это значитъ не посчастливилось! Тамъ, передъ лицомъ всего свѣта, былъ понесенъ нравственный уронъ, о которомъ никто не говорилъ громко, потому что тѣ, которые отъ этого выиграли, имѣли достаточно здраваго смысла, чтобы этимъ не хвастаться, но всѣ это почувствовали. Соображенія, въ которыя пускается по этому поводу г. фонъ Бюловъ, являются въ сущности признаніемъ.

Приходилось, значитъ, на чемъ нибудь отыграться: нѣмецкій престижъ надо было подновить. Желанный случай не замедлил представиться: это была анексія Босніи и Герцеговины и вызванный ею острый кризисъ. На самомъ дѣлѣ этотъ кризисъ длится и до сихъ поръ, — ужасная война, которую мы переживаемъ, — одинъ изъ ея фазисовъ; но мы говоримъ здѣсь только о первомъ фазисѣ, который наполнилъ волненіемъ и заставилъ вмѣшаться въ это дѣло всѣ славянскія державы — маленькія и великія, начиная съ Сербіи и кончая Россіей. Тогда увидѣли, но съ совершенно иною развязкой, первый абрисъ тѣхъ событій, которыя теперь снова возродились. Сербія протестовала противъ захвата Австріей двухъ провинцій, жители которыхъ принадлежали къ сербской народности. Каждая страна живетъ мечтою объ идеалѣ, котораго, быть можетъ, ей и не суждено никогда достигъ: но его нельзя отнять, не причинивъ страданія. Идеаломъ сербовъ было объединить со временемъ всѣ сербскія народности. Актъ, совершенный австрійскимъ правительствомъ, нанесъ глубокій ударъ мечтамъ сербовъ: отсюда и то возбужденіе въ Бѣлградѣ, которое мало по малу дошло до Петрограда. Разъ совершенную ошибку, если и не нашли возможнымъ, или нужнымъ исправить, надо было по крайней мѣрѣ смягчить для Сербіи; но ничего подобнаго не было сдѣлано, далеко отъ того! мы еще помнимъ ту удивительную рѣзкость, несправедливость и неумолимую требовательность, которую обнаружила австрійская политика. Баронъ Эренталь сыгралъ въ Бисмарка; онъ вѣроятно думалъ, что уже сталъ таковымъ, да и другіе думали также въ первую минуту; но это мнѣніе не замедлило разсѣяться. Помимо того, что Австріи слѣдовало щадить чувства сербовъ и воздерживаться отъ насилій надъ ними, ей надо было считаться и съ Россіей. Бисмаркъ, конечно, не преминулъ бы это сдѣлать. Образъ дѣйствій, принятый по отношенію къ сербамъ, долженъ былъ произвести въ Россіи впечатлѣніе вызова.

Такъ оно и случилось: въ С.-Петербургѣ забеспокоились и стали волноваться. Тогда то на сцену появилась Германія и никто не забылъ выступленія германскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Пурталеса и тѣхъ переговоровъ, которые ему было поручено вести съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Извольскимъ. Германія, стоявшая за спиной Австріи, стала съ ней рядомъ, или вѣрнѣе, передъ ней «во всемъ блескѣ всеоружія», и Россія уступила. Еще слишкомъ близка была война въ Маньчжуріи съ ея послѣдствіями. Русская армія не успѣла еще перевязать и залѣчить своихъ ранъ. Со стороны С.-Петербурга было въ высшей степени разумно сумѣть переждать. Но если германское правительство думало, что это тягостное впечатлѣніе изгладится изъ памяти русскаго правительства, то оно жестоко ошибалось. Германія уже повергла въ безпокойство Англію и теперь жестоко оскорбила Россію: такіе поступки оставляютъ неизгладимые слѣды.

До сихъ поръ думали, что этимъ рискованнымъ актомъ нѣмецкое правительство исполнило то, что считало своимъ долгомъ по отношенію къ союзнику. Развѣ Австрія не была «блестящей помощницей» Германіи въ Альджизирасѣ? Германскому правительству приходилось уплатить свой долгъ. Но князь Бюловъ даетъ другое освѣщеніе которое совершенно опрокидываетъ это составившееся мнѣніе. На самомъ дѣлѣ Германія сохранила въ своемъ сердцѣ тайную обиду на то, что не блестяще разыграла свою первенствующую роль и чувствовала непреодолимое стремленіе вновь возвыситься въ глазахъ свѣта. Что еще кромѣ того побудило ее, по мнѣнію г. фонъ Бюлова, это не столько союзъ съ Австріей, сколько отношеніе Англіи. «Англія, говоритъ онъ, стала на сторону Россіи, а англійская пресса заговорила еще болѣе страстнымъ тономъ, чѣмъ русская. Острое жало англійской политики, казалось, менѣе было направлено на Австрію, чѣмъ на ея союзницу Германію. Въ первый еще разъ предстояло австро-германскому союзу доказать свою сплоченность и силу передъ создавшимся важнымъ конфликтомъ... Долженъ былъ наступить часъ который указалъ бы, дѣйствительно ли Германія поставлена въ тяжелое положеніе политикой образованія блока, дѣйствительно ли державы, примкнувшія къ анти-германской политикѣ найдутъ свои жизненные интересы въ Европѣ согласимыми съ враждебнымъ отношеніемъ и враждебными дѣйствіями противъ Германіи и ея союзниковъ.

«Перепетіи боснійскаго кризиса въ самомъ дѣлѣ указали на

Такъ оно и случилось: въ С.-Петербургѣ забеспокоились и стали волноваться. Тогда то на сцену появилась Германія и никто не забылъ выступленія германскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Пурталеса и тѣхъ переговоровъ, которые ему было поручено вести съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Извольскимъ. Германія, стоявшая за спиной Австріи, стала съ ней рядомъ, или вѣрнѣе, передъ ней «во всемъ блескѣ всеоружія», и Россія уступила. Еще слишкомъ близка была война въ Маньчжуріи съ ея послѣдствіями. Русская армія не успѣла еще перевязать и залѣчить своихъ ранъ. Со стороны С.-Петербурга было въ высшей степени разумно сумѣть переждать. Но если германское правительство думало, что это тягостное впечатлѣніе изгладится изъ памяти русскаго правительства, то оно жестоко ошибалось. Германія уже повергла въ безпокойство Англію и теперь жестоко оскорбила Россію: такіе поступки оставляютъ неизгладимые слѣды.

До сихъ поръ думали, что этимъ рискованнымъ актомъ нѣмецкое правительство исполнило то, что считало своимъ долгомъ по отношенію къ союзнику. Развѣ Австрія не была «блестящей помощницей» Германіи въ Альджизирасѣ? Германскому правительству приходилось уплатить свой долгъ. Но князь Бюловъ даетъ другое освѣщеніе которое совершенно опрокидываетъ это составившееся мнѣніе. На самомъ дѣлѣ Германія сохранила въ своемъ сердцѣ тайную обиду на то, что не блестяще разыграла свою первенствующую роль и чувствовала непреодолимое стремленіе вновь возвыситься въ глазахъ свѣта. Что еще кромѣ того побудило ее, по мнѣнію г. фонъ Бюлова, это не столько союзъ съ Австріей, сколько отношеніе Англіи. «Англія, говоритъ онъ, стала на сторону Россіи, а англійская пресса заговорила еще болѣе страстнымъ тономъ, чѣмъ русская. Острое жало англійской политики, казалось, менѣе было направлено на Австрію, чѣмъ на ея союзницу Германію. Въ первый еще разъ предстояло австро-германскому союзу доказать свою сплоченность и силу передъ создавшимся важнымъ конфликтомъ... Долженъ былъ наступить часъ который указалъ бы, дѣйствительно ли Германія поставлена въ тяжелое положеніе политикой образованія блока, дѣйствительно ли державы, примкнувшія къ анти-германской политикѣ найдутъ свои жизненные интересы въ Европѣ согласимыми съ враждебнымъ отношеніемъ и враждебными дѣйствіями противъ Германіи и ея союзниковъ.

«Перепетіи боснійскаго кризиса въ самомъ дѣлѣ указали на

конецъ политики образованія блока. Ни одна держава казалось не хотѣла подчинить свои собственные европейскіе интересы чуждымъ ей интересамъ политики общеевропейскаго характера и подставлять свою шкуру за другихъ. Сильно натянутая Альджезираская группировка разбилась о скалу континентальной политики. Италіи осталась на сторонѣ союзниковъ; Франція осталась въ выжидательномъ положеніи и не выказывала недоброжелательства къ Германіи; Императоръ Николай далъ свѣту новое доказательство своей мудрости и любви къ миру, высказавшись за мирное разрѣшеніе существующихъ затрудненій. Искусное образованіе блока и изолированье Германіи, кратковременное страшилище для умовъ трусливыхъ, разсѣялась какъ дипломатическая фантазмагорія, созданная на дипломатическихъ соображеніяхъ, лишенныхъ реальности. Ошибка въ расчетѣ при ея созданіи, заключалась въ слѣдующемъ: не былъ принятъ въ расчетъ, полной стоимостью, крупный факторъ положеніе германской имперіи, какъ великой европейской державы».

Перевелъ *М. Критъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

